

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики Э. Ю. Латыпова / Rubric editor E. Yu. Latypova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

УДК / UDC [343.914:343.61](049.3)

П. А. Кабанов¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Женская преступность в контексте криминальной антропологии. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин»

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY SPIN-код: 5342-0391

Аннотация

Цель: краткий обзор и оценка содержания статьи женщины-врача П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин», определение ее места в творчестве этого автора и научной ценности для современной криминологии.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, сравнение, а также формально-логический метод (дедукции, индукции, определения и деления понятия).

Результаты: в работе на основе анализа содержания статьи П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» определяется ее значение в формировании авторской криминологической концепции исследования женщин-убийц. Выделены основные положения этого произведения, которые в последующем обогатили упомянутую концепцию. В первую очередь проведенная П. Н. Тарновской криминологическая группировка женщин-убийц на шесть различных категорий: 1) убийцы из корысти; 2) убийцы по страстному побуждению; 3) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением; 4) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства; 5) убийцы случайные; 6) убийцы-душевнобольные.

Неменьшую научную ценность представляет криминологическая группировка на однородные по своему внешнему составу преступления – детоубийства – по мотивации преступного поведения, которые впервые были разделены П. Н. Тарновской на две категории: детоубийства, вызванные эмотивными движениями – стыдом, страхом, отчаянием, – и детоубийства из-за личных выгод.

Научная новизна: автором впервые дается историко-криминологическая оценка статьи П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин», определяется ее значение для криминологической науки, а также указывается ее связь с предыдущими и последующими научными произведениями этого автора.

© Кабанов П. А., 2025

Практическая значимость: полученные результаты позволяют изменить взгляд на исследования женской преступности П. Н. Тарновской, сместив акцент с их описания на ее концепцию предупреждения женской преступности, в которой впервые дана криминологическая группировка женщин-убийц.

Ключевые слова

уголовно-правовые науки, криминология, криминальная антропология, женская преступность, мужеубийство, детоубийство, женщина-убийца, П. Н. Тарновская

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кабанов, П. А. (2025). Женская преступность в контексте криминальной антропологии. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин». *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 882–898. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

Scientific article

P. A. Kabanov¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Female criminality in the context of criminal anthropology. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya “Criminal anthropology and women’s criminality”

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan
Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY SPIN-code: 5342-0391

Abstract

Objective: to briefly review and evaluate the content of the article by a female doctor P. N. Tarnovskaya “Criminal anthropology and women’s criminality”; to determine its place among the author’s works and its scientific value for modern criminology.

Methods: the general scientific method of dialectical cognition, comparison, and the formal logical method (deduction, induction, definition and division of concepts).

Results: based on the content analysis of P. N. Tarnovskaya’s article “Criminal anthropology and women’s criminality”, this paper defines its significance in the formation of the author’s criminological and anthropological concept of studying female murderers. The author highlights the main provisions of the work, which subsequently enriched the mentioned concept. This is, first of all, P. N. Tarnovskaya’s criminological grouping of female murderers into six categories: 1) murderers out of self-interest; 2) murderers out of passion; 3) murderers motivated by marital discord and sexual aversion; 4) murderers motivated by a partial blunting of the moral sense; 5) accidental murderers; 6) mentally ill murderers.

Of no less scientific value is the criminological grouping of crimes that are homogeneous in their external composition. Based on the motivation of criminal behavior, P. N. Tarnovskaya was the first to divide infanticides into two categories: infanticide caused by emotional movements (shame, fear, despair) and infanticide for personal gain.

Scientific novelty: for the first time, the author gives a historical and criminological assessment of P. N. Tarnovskaya’s article “Criminal anthropology and women’s criminality”, determines its significance for criminological science, and highlights its connection with previous and subsequent scientific works by that author.

Practical significance: the results obtained make it possible to change the view of P. N. Tarnovskaya’s research on women’s crime, shifting the focus from describing them to studying her concept of preventing women’s criminality, where the criminological grouping of female murderers was provided for the first time.

Keywords

criminal law sciences, criminology, criminal anthropology, female crime, mariticide, infanticide, female murderer, P. N. Tarnovskaya

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kabanov, P. A. (2025). Female criminality in the context of criminal anthropology. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya “Criminal anthropology and women’s criminality”. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(4), 882–898. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.4.882-898>

Введение

Женская преступность – явление изменчивое. Она под воздействием различных причин объективного и субъективного характера привлекает внимание различных слоев населения, а в условиях активности средств массовой информации – значительной доли исследователей к этому явлению. Достаточно одного получившего общественный резонанс (громкого) и всколыхнувшего общество преступления, совершенного женщинами, как интерес к изучению этого явления резко возрастает. Мода на исследование женской преступности, подогреваемая средствами массовой информации, становится притягательной для лиц, желающих не столько снижения этого вида преступности, сколько личной популярности. Однако среди исследователей женской преступности находились и те, для кого такие работы являлись средством самовыражения либо, как принято ныне говорить, личностного или профессионального роста, в котором личная популярность не была основной целью. В числе таких специалистов в конце XIX – начале XX в. оказалась наша соотечественница – представительница медицинской династии, женщина-врач Прасковья Николаевна Тарновская, чей вклад в развитие криминологии и изучение женской преступности (Rafter, 2009. Pp. 178–182), а также ее отдельных видов (Ковальски, 2021. С. 183–184) и некоторых форм девиантности (Prechet et al., 2015. Pp. 61–73) и по сей день признается значительным (Espinoza & Resendiz, 2025; Уайт, 2020, С. 7–23; Huff-Corzine & Toohy, 2019. Pp. 18–21; Huff-Corzine & Toohy, 2023; Kamola, 2023, S. 59–74; Pignata, 2023. Pp. 85–99). Действительно, международное признание П. Н. Тарновской как одного из ведущих исследователей женской преступности произошло после выхода в свет в парижском издательстве *Leerosnier and Bade* в 1889 г. книги под названием *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*, посвященной антропологическому измерению российских женщин – преступниц и проституток (Tarnowsky, 1889). Ее работу высоко оценили представители различных научных школ не только Европы, но и Северной и Южной Америки, а результаты отдельных исследований публиковались в наиболее престижных европейских изданиях на французском, немецком, итальянском и английском языках. В связи с этим указанная книга была переиздана этим же издательством значительным тиражом в 1892 г. (Tarnowsky, 1892). Популярность П. Н. Тарновской резко возросла после ряда выступлений с научными докладами по криминальной антропологии и женской преступности на научных мероприятиях в России и за рубежом. Наиболее значимым выступлением П. Н. Тарновской стал доклад о женской преступности в России *Criminalite de la femme*, сделанный на четвертом Женевском конгрессе криминальной антропологии (1896 г.). Об этом событии упоминали как отечественные специалисты, участвовавшие в нем (Сербский, 1896. С. 443–446; Розенбах, 1896. С. 177–179; Закревский, 1897. С. 67, 91–92; Никольский, 1898, С. 33–34), так и зарубежные криминологи (Marie, 1896. Pp. 176–178; Mais, 1896. P. 383; The Fourth international..., 1896. Pp. 618–619; Nache, 1897. Pp. 85–88; Räcké, 1897. Pp. 390–394), включая молодого, но уже популярного итальянского криминолога, ученика Ч. Ломброзо, адвоката Рудольфа Ляски (Laschi, 1896. Pp. 634–647). Краткое изложение этого доклада П. Н. Тарновской было отражено в сборнике упомянутого конгресса (Tarnowsky, 1897. Pp. 231–237). Значительное количество обзоров IV Конгресса криминальной антропологии и незначительный объем тезисов самого доклада позволили Прасковье Николаевне подготовить обширные работы по женской преступности и высказать отдельные суждения по криминальной антропологии как самостоятельном направлении научного познания. Первой крупной работой, объединившей

проблематику криминальной антропологии и женской преступности, стала ее статья, опубликованная в 1897 г. в седьмом номере журнала «Северный Вестник» под названием «Криминальная антропология и преступность женщин» (Тарновская, 1897. С. 8–22). Именно о значении этой работы для последующих исследований П. Н. Тарновской и криминологической науки пойдут дальнейшие наши рассуждения.

Процесс и результаты оценки значения произведения

Вышедшая в свет статья П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» через год после ее доклада на IV конгрессе криминальной антропологии в Женеве структурно состоит из двух частей. Первая часть раскрывает суждения автора о криминальной антропологии как направлении научных знаний и методологическом фундаменте исследования личности преступника, а вторая отражает результаты собственного эмпирического антропологического исследования 160 российских женщин-убийц.

В первой части своего произведения П. Н. Тарновская кратко рассматривает эволюцию развития итальянской (туринской) школы криминальной антропологии и трансформацию воззрений ее основателя Чезаре Ломброзо. В ней автор кратко описывает содержание четырех международных конгрессов криминальной антропологии, проведенных в период с 1885 по 1896 г., включая критические замечания противников этой школы. В числе оппонентов школы, активно выступавших против наименования научного направления «криминальная антропология», она назвала генерального секретаря Антропологического общества Парижа, в котором сама состояла, профессора антропологической школы, доктора медицины, редактора журнала *Revue d'Anthropologie* Поля Топинарда (*Paul Topinard*). К тому же автор включила в содержание статьи мнение явного противника итальянской школы криминальной антропологии, утверждавшего о несостоятельности этой школы, профессора антропологической школы Парижа, а в последующем генерального секретаря Антропологического общества Парижа, доктора медицины Леонса Пьера Мануврие (*Léonce-Pierre Manouvrier*).

В первой части статьи П. Н. Тарновская четко формирует свое видение места криминальной антропологии, изучающей личность преступника, как новой самостоятельной отрасли биологии, а итальянского профессора Чезаре Ломброзо называет основателем этой отрасли. По мнению П. Н. Тарновской, с которой были солидарны многие криминологи, Ч. Ломброзо во множестве разнородных научных исследований (психологии, анатомии, френологии) собрал отдельные сведения о преступниках в одно направление – криминальную антропологию. Описывая достижения криминальной антропологии, П. Н. Тарновская отмечает, что в процессе ее развития появились исследования, указывающие на влияние наследственности на преступность и пьянство. Кроме того, в процессе развития криминальной антропологии были обнаружены и исследованы социальные условия преступности: нищета, безработица, брошенное детство, отсутствие воспитания и наличие «дурного примера» (подражания). В конце первого раздела она обозначает цель и задачи криминальной антропологии: изучение с физической и нравственной стороны преступников, которые в силу ослабленной организации и психических аномалий – врожденных и приобретенных – совершают преступления; отделение больных от здоровых, больных – лечить, здоровых – исправлять.

Представленная П. Н. Тарновской гуманистическая концепция криминальной антропологии как биологического направления в изучении преступника во многом совпадала с результатами ее научных исследований и воззрениями значительной доли европейских криминологов (Kürell, 1893; Vär, 1893). Подтверждением тому может служить то обстоятельство, что через небольшой промежуток времени после ее смерти появились крупные исследования криминальных антропологов под названием «криминальная биология» (Lenz, 1925). В настоящее время в рамках мировой криминологической науки развивается раздел, изучающий роль биологических факторов в этиологии преступного поведения, именуемый «биокриминология» (Walby & Carrier, 2010. Pp. 261–285).

Вторая часть этого произведения посвящена исследованию женской преступности как формы противоправного поведения. Автор отмечает, что, согласно исследованиям зарубежных и отечественных специалистов, соотношение преступности между мужчинами и женщинами не одинаково – криминальная активность мужчин значительно выше. Действительно, эти положения отмечались ранее в произведениях авторитетных зарубежных и российских специалистов (Näcke, 1894. Pp. 8–9; Lombroso & Ferrero, 1894. Pp. 24–26; Фойницкий, 1893. С. 3; Тарновский, 1893. С. 33–64). При этом автор отмечает, что женщины больше совершают преступлений под влиянием различных эмоций (ревности, мести, гнева, любви, супружеских разногласий, полового отвращения), чем преступлений, побудительной причиной которых стала корысть. Проведя анализ

сведений об осужденных женщинах-убийцах и воровках, П. Н. Тарновская делает вывод, что женщины чаще совершают преступления в кругу семьи, в том числе и мужеубийства. При этом автор ссылается на сведения о причинах криминального поведения российских мужеубийц-отравительниц, прозвучавшие 20 февраля 1893 г. в докладе юриста, а в последующем начальника Главного тюремного управления Российской империи Сергея Степановича Хрулева (Хрулев, 1893) на совместном заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества и Санкт-Петербургского общества психиатров. В качестве основных причин мужеубийства П. Н. Тарновская называет: а) физиологическое отвращение к мужьям; б) побои от мужа; в) пьянство мужа; г) отсутствие возможности уйти от мужа; д) притупление нравственного чувства (самолюбие, эгоизм).

Особой ценностью в представленной работе П. Н. Тарновской является проведенная ею криминологическая группировка женщин-убийц на шесть различных категорий:

- а) убийцы из корысти;
- б) убийцы по страстному побуждению;
- в) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением;
- г) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства;
- д) убийцы случайные;
- е) убийцы-душевнобольные.

К тому же впервые в российской юридической науке, медицине и криминальной антропологии однородные по своему внешнему составу преступления – детоубийства – были разделены П. Н. Тарновской на две категории по мотивации преступного поведения:

1) детоубийства, вызванные эмотивными движениями: стыдом, страхом, отчаянием, т. е. подведенные под группу как убийства по страстному побуждению;

2) детоубийства из-за личных выгод: невозможность найти работу с грудным ребенком, нежелание ухаживать за ним и опасение лишних хлопот и расходов, случаи повторного детоубийства были отнесены в группу убийств, побуждаемых частичным притуплением нравственного чувства.

Такая классификация детоубийства оказалась востребованной в криминологической доктрине и широко применяется в исследованиях.

Для иллюстрации своих выводов и предложений П. Н. Тарновская обращалась к материалам антропологических измерений осужденных женщин-убийц, контент-анализу личных дел осужденных, собственным социологическим опросам и интервью женщин-убийц, находящихся в пересыльных тюрьмах, местах предварительного содержания осужденных (острогах) перед направлением их для исполнения наказания в места лишения свободы в Сибирь и на Сахалин.

В последующем результаты криминолого-антропологического исследования женщин-убийц, изложенные в статье «Криминальная антропология и преступность женщин», П. Н. Тарновская с некоторыми изменениями и дополнениями использовала в своей монографии «Женщины-убийцы», изданной в Санкт-Петербурге в 1902 г. (Тарновская, 1902), которая после переработки была переиздана на французском языке в Париже. В этой переведенной монографии также используются полученные результаты, упомянутые в представляемой статье (Tarnowsky, 1908). Проведенное нами сравнение текста исследуемой статьи с монографическими исследованиями П. Н. Тарновской о женщинах-убийцах 1902 и 1908 гг. (Бикеев, Кабанов, 2025. С. 65–84) свидетельствует о том, что статья стала составной частью этих произведений, хотя и в несколько измененной форме. Основные изменения в содержании монографий вызваны в первую очередь редакторской правкой, а также особенностями перевода русскоязычного научного текста на французский язык.

Краткие выводы по представляемой работе

Представленное нами произведение П. Н. Тарновской «Криминальная антропология и преступность женщин» является завершенным эмпирическим комплексным криминолого-антропологическим научным исследованием. Оно является составным по своей структуре, включающим в себя две взаимосвязанные части: представления автора о диалектике развития криминальной антропологии, ее основных направлениях и месте в системе научного знания – отрасли биологии; результаты собственных эмпирических исследований осужденных российских женщин-убийц, их криминолого-антропологическая классификация на виды по мотивации преступного поведения.

Представленная работа П. Н. Тарновской имеет важную научную ценность: она позволяет оценивать процесс подготовки, обработки и переработки, получения и интерпретации эмпирических данных о женщинах-убийцах при проведении автором монографического исследования «Женщины-убийцы», получившего заслуженное признание как одно из лучших произведений по криминологии женской преступности XX в. Очевидно, что влияние этого произведения на современные исследования по данной проблематике сохраняется и даже получает новый импульс в процессе формирования исторической криминологии.

Список литературы

- Бикеев, И. И., Кабанов, П. А. (2025). *Прасковья Николаевна Тарновская – лидер мировой криминологии: историко-криминологическое исследование*. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета.
- Закревский, И. (1897). Уголовная антропология на Женевском международном конгрессе. *Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете* (Кн. 2. Февраль). С. 59–108).
- Ковальски, Ш. (2021). *Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880–1930)* (пер. с англ. А. Глебовской). Санкт-Петербург: Academic Studies Pres / Библиороссика.
- Никольский, Д. П. (1898). Четвертый съезд криминальной антропологии, бывший в 1896 году. *Труды Антропологического общества при Императорской Военно-медицинской академии* (Т. III. За 1895–96 учебный год. С. 33–34).
- Розенбах, П. Я. (1896). Четвертый конгресс криминальной антропологии (в Женеве, в августе 1896 г.). *Журнал Министерства юстиции*, 9, 177–179.
- Сербский, В. П. (1896). Четвертый Международный конгресс криминальной антропологии в Женеве. *Вопросы философии и психологии*. 34, 443–446.
- Тарновская, П. (1897). Криминальная антропология и преступность женщин. *Северный Вестник*, 7, 8–22.
- Тарновская, П. Н. (1902). *Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами*. Санкт-Петербург: Товарищество художественной печати.
- Тарновский, Е. Н. (1893). Вопросы сравнительной преступности полов (по поводу статьи г. Фойницкого: «Женщина-преступница»). *Русская мысль*, 12, 33–64.
- Уайт, Ф. Х. (2020). Прасковья Тарновская и русские источники книги Чезаре Ломброзо «Женщина-преступница и проститутка» (авториз. пер. с англ. А. С. Волгиной). *Новое литературное обозрение*, 5, 7–23.
- Фойницкий, И. Я. (1893, 10 января). Женщина-преступница. *Новое время*, 3.
- Хрулев, С. С. (1893). *Характер преступных деяний душевно-больных: Сообщ., прочит. 20 февр. 1893 г. в соедин. заседании Уголов. отд-ния С.-Петерб. юрид. о-ва и С.-Петерб. о-ва психиатров*. Санкт-Петербург: тип. В. В. Комарова.
- Bär, A. (1893). *Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung*. Mit 4 lithographischen Tafeln. Leipzig, Thieme.
- Dr. Pauline Tarnowsky's 1908 book, *Les femmes homicides*. Paper presented at the Annual Meeting of the Homicide Research Working Group.
- Espinoza, L. E., & Resendiz, R. (2025). Re/Claiming Pauline Tarnowsky: Pioneering Female Criminologist. *Sociology Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/soc4.70099>
- Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology's mother. *Journal of Criminal Justice*, 85, March – April. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986>
- Kamola, J. (2023). „Das Gebäude der Kriminalanthropologie ist errichtet“: Kriminelle Frauen bei Pauline Tarnowsky. In J. Kamola, S. Becker, & K. Chochkova Giese (Eds.), *Criminal Women: Eine Geschichte der weiblichen Kriminalität* (pp. 59–74). Verbrecher Verlag.
- Kürella, H. (1893). *Naturgeschichte des Verbrechers: Grundzüge der kriminellen Anthropologie und Kriminalpsychologie für Gerichtsärzte, Psychiater, Juristen und Verwaltungsbeamte*. Mit zahlreichen anatomischen Abbildungen und Verbrecherporträts. Enke.
- Laschi, R. (1896). IV Congresso di Antropologia criminale Ginevra. *Archivio di Psichiatria, Antropologia criminale*, XVII, 634–647.
- Lenz, A. (1925). Kriminalbiologischer Unterricht mit Demonstrationen Sträflingen. *Mschr. Krim. Psychol.*, 16, 30–7.
- Lombroso, C., & Ferrero, G. (1894). *Das Weib als Verbrecherin und Prostituierte: Anthropologische Studien, gegründet auf eine Darstellung der Biologie und Psychologie des normalen Weibes* (H. Kürella, Trans.). Verlagsanstalt und Druckerei A.-G.
- Mais, I. (1896). Le IVème Congres d'Anthropologie Criminelle. *Revue néoscolastique*, 9, 383.
- Marie A. (1896). Congress International D'anthropologie Criminale. Session de Geneve (24–28 Août 1896). *Le Progres Medical*, IV, 176–178.
- Nache, Dr. P. (1897). Bericht über den 4. internationalen Kongress für Criminale-Antropologie in Genf. *Zeitschrift für Criminal-Anthropologie, Gefängnis-wissenschaft und Prostitutionswesen*, I, 85–88.
- Näcke, P. (1894). *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe: Mit Ausblicken auf die Kriminalanthropologie überhaupt. Klinisch-statistische, anthropologisch-biologische und kraniologische Untersuchungen*. Braumüller.

Pignata, M. (2023). Follia al femminile: Les femmes homicides di Pauline Tarnowsky. In M. Pignata & A. Cesaro (Eds.), *Follia: Femminile, singolare* (pp. 85–99). Artetetra Edizioni.

Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição: a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista Transversos. "Dossiê: O Corpo na História e a História do Corpo"*, 1, 61–73. <https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796>

Räcke, G. (1896). 13. Der. 4. internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, Jahresband*, 390–394. <https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390>

Rafter, N. H. (Ed.). (2009). Pauline Tarnowsky: The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In *The Origins of Criminology: A Reader* (pp. 178–182). London: Routledge-Cavendish. <https://doi.org/10.4324/9780203869949>

Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrès Médical.

Tarnowsky, P. (1892). *Étude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthrometric tables and twenty wood-cuts*. Paris: Leerosnier and Bade.

Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.

Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques*. Paris, Félix Alcan.

The Fourth international congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p. 853). (1896, September 26). *The Lancet*. Vol. II, 618–619.

Walby, K., & Carrier, N. (2010). The rise of biocriminology: Capturing observable bodily economies of 'criminal man'. *Criminology & Criminal Justice*, 10(3), 261–285. <https://doi.org/10.1177/1748895810370314>

References

Bär, A. (1893). *Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung*. Mit 4 lithographischen Tafeln. Leipzig, Thieme.

Bikeev, I. I., & Kabanov, P. A. (2025). *Praskovya Nikolaevna Tarnovskaya – a leader of world criminology: historical and criminological research*. Kazan: Poznanie Publishing House of Kazan Innovative University. (In Russ.).

Dr. Pauline Tarnowsky's 1908 book, *Les femmes homicides*. Paper presented at the Annual Meeting of the Homicide Research Working Group.

Espinoza, L. E., & Resendiz, R. (2025). Re/Claiming Pauline Tarnowsky: Pioneering Female Criminologist. *Sociology Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/soc4.70099>

Foyniczkiy, I. Ya. (1893, January 10). A woman-criminal. *Novoe vremya*, 3. (In Russ.).

Huff-Corzine, L., & Toohy, K. (2023). The life and scholarship of Pauline Tarnowsky: Criminology's mother. *Journal of Criminal Justice*, 85, March – April. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2022.101986>

Kamola, J. (2023). „Das Gebäude der Kriminalanthropologie ist errichtet“: Kriminelle Frauen bei Pauline Tarnowsky. In J. Kamola, S. Becker, & K. Chochkova Giese (Eds.), *Criminal Women: Eine Geschichte der weiblichen Kriminalität* (pp. 59–74). Verbrecher Verlag.

Khrulev, S. S. (1893). *Character of criminal deeds of the mentally insane: Report made on February 20, 1893, at a joint meeting of the Criminal section of Saint Petersburg Law Society and Saint Petersburg Psychiatrists' Society*. Saint Petersburg: tip. V. V. Komarova. (In Russ.).

Kovalsky, Sh. (2021). *Female offenders. Female crime and criminology in Russia (1880–1930)*. Saint Petersburg: Academic Studies Pres / Bibliorossika. (In Russ.).

Kürella, H. (1893). *Naturgeschichte des Verbrechers: Grundzüge der kriminellen Anthropologie und Kriminalpsychologie für Gerichtsärzte, Psychiater, Juristen und Verwaltungsbeamte*. Mit zahlreichen anatomischen Abbildungen und Verbrecherporträts. Enke.

Laschi, R. (1896). IV Congresso di Antropologia criminale Ginevra. *Archivio di Psichiatria, Antropologia criminale*, XVII, 634–647.

Lenz, A. (1925). Kriminalbiologischer Unterricht mit Demonstrationen Sträflingen. *Mshr. Krim. Psychol.*, 16, 30–7.

Lombroso, C., & Ferrero, G. (1894). *Das Weib als Verbrecherin und Prostituierte: Anthropologische Studien, gegründet auf eine Darstellung der Biologie und Psychologie des normalen Weibes* (H. Kürella, Trans.). Verlagsanstalt und Druckerei A.-G.

Mais, I. (1896). Le IVème Congres d'Anthropologie Criminelle. *Revue néoscolastique*, 9, 383.

Marie A. (1896). Congress International D'anthropologie Criminale. Session de Geneve (24–28 Août 1896). *Le Progres Medical*, IV, 176–178.

Nache, Dr. P. (1897). Bericht über den 4. internationalen Kongress für Criminale-Antropologie in Genf. *Zeitschrift für Criminal-Anthropologie, Gefängnis-wissenschaft und Prostitutionswesen*, I, 85–88.

Näcke, P. (1894). *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe: Mit Ausblicken auf die Kriminalanthropologie überhaupt. Klinisch-statistische, anthropologisch-biologische und kranilogische Untersuchungen*. Braumüller.

Nikolskiy, D. P. (1898). *Fourth Assembly for Criminal Anthropology held in 1896. Works of the Anthropological Society under the Emperor's Military-medical Academy* (Vol. III. For the 1895–96 academic year. Pp. 33–34). (In Russ.).

- Pignata, M. (2023). Follia al femminile: Les femmes homicides di Pauline Tarnowsky. In M. Pignata & A. Cesaro (Eds.), *Follia: Femminile, singolare* (pp. 85–99). Artetetra Edizioni.
- Prechet, B. do N., Saiol, J. R. S., & Nery, L. (2015). Antropologia Criminal e prostituição: a matematização do corpo segundo Pauline Tarnowsky. *Revista Transversos*. “Dossiê : O Corpo na História e a História do Corpo”, 1, 61–73. <https://doi.org/10.12957/transversos.2015.19796>
- Räcke, G. (1896). 13. Der. 4. internationale Kongreß für Kriminalanthropologie in Genf, vom 24. bis 29. August 1896. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, Jahresband*, 390–394. <https://doi.org/10.1515/zstw.1897.17.1.390>
- Rafter, N. H. (Ed.). (2009). Pauline Tarnowsky: The anthropology of prostitutes and female thieves, 1889. In *The Origins of Criminology: A Reader* (pp. 178–182). London: Routledge-Cavendish. <https://doi.org/10.4324/9780203869949>
- Rozenbakh, P. Ya. (1896). Fourth Congress for Criminal Anthropology (Geneva, August 1896). *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, 9, 177–179. (In Russ.).
- Serbskiy, V. P. (1896). Fourth International Congress for Criminal Anthropology in Geneva. *Voprosy Filosofii i Psikhologii*, 34, 443–446. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. (1897). Criminal anthropology and women’s crime. *Severny Vestnik*, 7, 8–22. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. N. (1902). *Female murderers. Anthropological research with 163 figures and 8 anthropometric tables*. Saint Petersburg: Tovarishhestvo khudozhestvennoy pechati. (In Russ.).
- Tarnovskiy, E. N. (1893). Issues of comparative criminality of genders (on Mr. Fojniczkiy’s article “A woman-criminal”). *Russkaya mysl*, 12, 33–64. (In Russ.).
- Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrés Médical.
- Tarnowsky, P. (1892). *Etude Anthropométrique sur les Prostituées et les Voleuses. With eight anthropometric tables and twenty wood-cuts*. Paris: Leerosnier and Bade.
- Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D’Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.
- Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux anthropometriques*. Paris, Félix Alcan.
- The Fourth international congress of criminals (from our Special Correspondent) (Concluded from p. 853). (1896, September 26). *The Lancet*. Vol. II, 618–619.
- Walby, K., & Carrier, N. (2010). The rise of biocriminology: Capturing observable bodily economies of ‘criminal man’. *Criminology & Criminal Justice*, 10(3), 261–285. <https://doi.org/10.1177/1748895810370314>
- White, F. Kh. (2020). Praskovya Tarnovskaya and the Russian sources of Cesare Lombroso’s book “A woman criminal and prostitute”. *Novoye Literaturnoye Obozrenie*, 5, 7–23. (In Russ.).
- Zakrevskiy, I. (1897). Criminal anthropology at the Geneva International Congress. *Journal of Law Society at Emperor’s Saint Petersburg University* (Part 2. February. Pp. 59–108). (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. Тарновская

Криминальная антропология и преступность женщин

Переводчик на современный русский язык А. Г. Хорошавина

Криминальная антропология еще юная наука, но с каждым годом она все больше и больше развивается и приобретает «права гражданства».

Отцом криминальной антропологии справедливо считается туринский профессор Чезаре Ломброзо (*Cesare Lombroso*)¹. Начиная с 70-х годов² он обратил на себя внимание врачей и юристов всех стран рядом своих сочинений о преступном человеке (*l'uomo delinquente*). Как в высшей степени талантливый новатор, создавший школу, Ч. Ломброзо имеет горячих противников, ожесточенно критикующих его подчас слишком скорые выводы и обобщения. Имеет он и трудолюбивых учеников и сторонников, развивающих созданную

¹ Чезаре Ломброзо (1835–1909) – итальянский психиатр, преподаватель, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике. Вклад Ч. Ломброзо в криминологическую науку заключается в изменении предмета исследования с преступления как деяния на человека-преступника, рассматриваемого сквозь призму антропологии. – Прим. А. Х.

² Речь идет о XIX веке. – Прим. А. Х.

им науку, непрестанно обогащаемую им самим в течение четверти столетия новыми плодотворными мыслями и научными открытиями. Его победы достаются ему нелегко – он подвергался и подвергается резкой критике со стороны противников, тщательно подчеркивающих его ошибки и слабые стороны, заключающиеся главным образом в слишком поспешных обобщениях, вызываемых его умом, а также необыкновенной живостью и яркостью мысли. Однако высокогуманное учение Ч. Ломброзо о необходимости глубже изучать преступного человека, не довольствуясь абстрактным рассмотрением содеянного им преступления, настолько уже проникло в умы, что на III конгрессе антропологов (Брюссель, 1892 г.) обсуждался вопрос о необходимости ввести обязательное преподавание криминальной антропологии в университетах на юридических и медицинских факультетах.

Такая постановка вопроса невольно заставляет оглянуться назад и вспомнить в самых общих чертах главные положения, выдвинутые на первых двух конгрессах по криминальной антропологии.

Как известно, I конгресс состоялся в Риме осенью 1886 г. Он стал торжеством учения Ч. Ломброзо. На этом конгрессе профессором П. Топинаром³ впервые было высказано возражение относительно термина «криминальная антропология». Однако участники конгресса отметили, что, пока будет существовать преступный человек, наука, делающая его своим предметом, будет иметь законное основание процветать и носить название криминальной антропологии.

Я потому останавливаюсь на этом вопросе, что с 1885 г. сделанная П. Топинаром попытка выступить против этого термина много раз (и всегда так же неудачно) повторялась противниками этой новой отрасли биологии.

На римском конгрессе Ч. Ломброзо горячо и убежденно доказывал, опираясь на многочисленные вскрытия преступников, что объем мозга у них в большинстве случаев уменьшен, а объем мозжечка часто увеличен в сравнении с нормой. Одновременно с этим Ч. Ломброзо наблюдал у преступников недостаточное или неправильное распределение мозговых извилин и борозд, изобиловавших преимущественно в правом полушарии. При вскрытии преступников Ч. Ломброзо также часто наблюдал в их мозгу различные патологические процессы: воспаленное состояние оболочек, их сращение, размягчение мозгового вещества, изменения в костях черепа, а также нередко встречал болезни сердца, сосудодвигательной системы, печени и пр. Исследования живых преступников убедили Ч. Ломброзо в существовании у них неменьшего количества анатомических признаков вырождения в сравнении с отклонениями от нормы в психической сфере. Основываясь на совокупности этих данных, Ч. Ломброзо горячо защищал созданную им теорию преступного человека, и победа на этом конгрессе осталась за ним.

Его противники взяли реванш на II конгрессе по криминальной антропологии (Париж, 1889 г.). Теории Ч. Ломброзо об атавизме, преступном человеке, а также идея о параллелях между преступником, эпилептиком и нравственно помешанным⁴ подверглись ожесточенной и не всегда беспристрастной критике. Одним из наиболее резких оппонентов Ч. Ломброзо стал французский ученый, профессор Л. П. Мануврие⁵, доказывавший, что преступники с анатомической точки зрения не имеют никаких отличительных признаков в сравнении с честными людьми и преступление находится в гораздо более тесной связи с социологией, чем с физиологией.

Как всегда бывает при слишком страстном отношении к делу, на парижском конгрессе учение Ч. Ломброзо подверглось чересчур резким нападкам со стороны его противников, носившим порой оттенок глумленья, что, конечно, несовместимо с беспристрастием, свойственным науке. Это отчасти стало причиной того, что не только сам Ч. Ломброзо, но и все его ученики воздержались от участия в III конгрессе (Брюссель, 1892 г.), на котором вовсе не оказалось представителей итальянской школы.

На брюссельском конгрессе, однако, научный престиж Ч. Ломброзо был несколько восстановлен, несмотря на доклад Л. П. Мануврие, вновь выступившего против теории Ч. Ломброзо. Л. П. Мануврие доказывал,

³ Поль Топинар (1830–1911) – французский врач и антрополог. Был учеником П. Брока, специализировался на физической антропологии. – Прим. А. Х.

⁴ Нравственное помешательство (*moral insanity*) – это устаревшее психиатрическое и юридическое понятие, впервые введенное английским врачом Джеймсом Притчардом в 1835 г. Оно описывало состояние, при котором человек сохранял интеллектуальные способности (логическое мышление, память, восприятие реальности), но проявлял стойкие нарушения морального поведения. Сегодня термин считается устаревшим и не используется в современной психиатрии. – Прим ред.

⁵ Леонс Пьер Мануврие (1850–1927) – французский антрополог, анатом и физиолог; профессор Антропологической школы в Париже. – Прим. А. Х.

что бесполезно наблюдать и изучать преступников, находящихся в тюрьмах, так как в тюрьмах сидят лишь те преступники, которые попались, а наибольшее число самых ловких мошенников находятся на свободе. Кроме того, отмечал Л. П. Мануврие, среди образованных людей существует много тех, кто пользуется не только свободой, но даже известным почетом, занимаясь различного рода безнравственной деятельностью: биржевой игрой, созданием акционерных компаний, стремящихся к легкому обогащению за счет легковерных жертв и т. п. Именно поэтому трудно установить критерии, кого считать преступником. Несмотря на парадоксальный доклад Л. П. Мануврие, на брюссельском конгрессе вновь было высказано пожелание ввести обязательное преподавание криминальной антропологии на медицинских и юридических факультетах.

После восстановления «прав гражданства» антропологии Ч. Ломброзо, а также многие его ученики и последователи приняли участие в IV конгрессе по криминальной антропологии (Женева, 1896 г.). Их участие было блестящим, так как вокруг идей Ч. Ломброзо и его талантливого ученика профессора Э. Ферри⁶ сосредоточился главный интерес женевского конгресса.

О таких недостатках Ч. Ломброзо, как склонность обобщать единичные факты, его стремление считать доказанными вопросы, еще требующие научного подтверждения, говорилось много и часто; поэтому я считаю излишним долее останавливаться на этом вопросе. Позволю себе лишь отметить два положения прежде, чем завершить разговор о, безусловно, интересной личности Ч. Ломброзо. Несмотря на все его недостатки, не следует забывать о его огромном научном вкладе, который состоит в создании новой отрасли биологии – криминальной антропологии. Он доказал необходимость всестороннего изучения преступника, до него рассмотрения удостоивалось только преступление, при этом личность нарушителя закона часто совершенно отходила на задний план, и форма преобладала над содержанием.

Ч. Ломброзо часто ставят в вину то, что он во многом изменил свои первоначальные научные воззрения на личность преступника, на атавизм, на исключительность роли эпилепсии в преступности. Но замечу, что легче упорствовать в своих заблуждениях, чем чистосердечно сознаться в них; не ошибается только тот, кто ничего не делает в области мысли.

Конечно, задолго до Ч. Ломброзо мы знали, что среди преступников встречаются помешанные; и до него существовало много работ и указаний на различного рода аномалии и дефекты. Так, например, физические признаки вырождения были описаны в 50-х гг.⁷ знаменитым французским психиатром Б. О. Морелем⁸. О «нравственном помешательстве» (*moral insanity*) писал известный английский врач Дж. К. Причард⁹. Около того же времени вышло большое сочинение П. Деспина¹⁰ – «*Psychologie Naturelle*»¹¹. Были и другие. Но все эти отдельные труды из области психиатрии, отрывочные наблюдения и замечания по анатомии, френологии, о физических признаках вырождения и прочих аномалиях, вызванных неблагоприятными наследственными влияниями, – все эти отклонения от нормального развития Ч. Ломброзо смог свести в систему, применить к преступнику и доказать, что среди преступников не только есть умопомешанные, очевидные для всех, но и люди с многочисленными оттенками болезненных состояний, с несомненными отклонениями в психической сфере, вследствие чего эти люди, совершая нарушения закона, менее других, здоровых людей ответственны за свои поступки.

Дальнейшие работы по криминальной антропологии продемонстрировали несомненное значение неблагоприятной наследственности, представляющей собой почву, на которой растут и развиваются многие преступления. Наследственная передача умопомешательства, эпилепсии, истерии и различных других нервных

⁶ Энрико Ферри (1856–1929) – итальянский криминолог и политический деятель. С 1884 г. профессор уголовного права в крупнейших университетах Италии. Последователь основателя криминальной антропологии Чезаре Ломброзо внес существенный вклад в развитие идей позитивистской школы криминологии. – *Прим. А. Х.*

⁷ Речь идет о XIX веке. – *Прим. А. Х.*

⁸ Бенедикт Огюстен Морель (1809–1873) – французский психиатр, оказавший большое влияние на психиатрические теории в XIX в. Разрабатывал вопросы причин помешательства, а также значения наследственности для развития психических заболеваний. – *Прим. А. Х.*

⁹ Вероятнее всего, упоминается Джеймс Коулз Причард (1786–1848) – английский психиатр, этнолог и антрополог. – *Прим. А. Х.*

¹⁰ Проспер Деспин (1812–1892) – французский психиатр. – *Прим. А. Х.*

¹¹ «Естественная психология». – *Прим. А. Х.*

болезней, давно установленная психиатрами, нашла широкое применение в вопросах этиологии многих преступлений. За последние 20 лет также было установлено крайне пагубное влияние пьянства родителей на нисходящее поколение. Ряд блестящих работ коллег, включая В. Маньяна¹², посвященных вопросам алкоголизма, а также капитальные труды П. М. Легрена¹³ (ученика В. Маньяна) представляют тщательно собранные статистические данные о пагубных последствиях пьянства для потомков алкоголиков.

Дети родителей-пьяниц страдают английской болезнью¹⁴, размягчением костей, остановкой развития, малокровием; чрезвычайно часто и легко подвергаются приступам судорог и нередко умирают от так называемого родимчика – эклампсии¹⁵. Согласно последним исследованиям П. М. Легрена, процент смертности детей алкоголиков огромен. Те дети, которые выживают, нередко представляют собой ослабленные организмы, с плохим питанием, с крайне легкой нервной возбудимостью, с известного рода импульсивностью – стремлением моментально привести в исполнение появившееся желание – и полной несостоятельностью противодействовать рассудком и силой воли своим себялюбивым стремлениям. Такие люди страдают ослаблением сдерживающих центров и в своем стремлении к удовлетворению себялюбивых побуждений не стесняются устранять путем насилия препятствия, стоящие между ними и их желаниями. Именно они и становятся преступниками.

Благодаря дальнейшим работам по криминальной антропологии было установлено большое число причин, усиливающих преступность. В их числе, помимо наследственных и приобретенных болезней, значительную роль играют различные социальные условия: нищета, безработица, безнадзорное детство, отсутствие воспитания и, наконец, дурной пример, который нередко толкает плохо уравновешенных людей на нарушение законов.

Уже из этого краткого перечня причин, влияющих на преступность, становится вполне ясным, что криминальная антропология далека от утверждения, что все преступники непременно больные, помешанные или эпилептики, как это весьма часто ставится ей в укор ее противниками. Цель и задача криминальной антропологии именно и заключаются в том, чтобы путем всестороннего изучения преступника – не только с физической, но и с нравственной стороны – отделять тех лиц, которые в силу своей неправильной, ослабленной организации и психических аномалий (врожденных или приобретенных) совершают преступления как люди неотчетливые; отделять больных от здоровых (больных – лечить, здоровых – ставить в условия правильной работы – единственное условие, дающее им возможность исправиться и вновь сделаться полезными членами общества).

Оставим, однако, эти общие соображения и перейдем к вопросу о женской преступности. Все исследователи согласны, что женская преступность по численности своей значительно меньше мужской. Четверть века тому назад, в самом начале 70-х гг.¹⁶, бельгийский ученый Л. А. Ж. Кетле¹⁷ на основании очень обширных статистических данных вывел соотношение женской и мужской преступности, обозначив его как 1 : 5. Это соотношение и сейчас признается верным. В замечательном труде известного криминалиста И. Я. Фойницкого¹⁸ «Женщина-преступница» упоминается, что «во всех культурных странах участие женщины в преступлениях значительно слабее мужского, колеблясь между одной десятой (Россия) и одной пятой (Пруссия, Англия) и давая среднюю в одну шестую (Италия, Франция, Австрия)»¹⁹. Не следует, однако, из этого делать вывод, что женщины в пять раз добродетельнее мужчин. Несомненно, что меньшее количество преступле-

¹² Валентин Маньян (1835–1916) – французский психиатр, создатель научной школы психиатрии. – Прим. А. Х.

¹³ Поль Морис Легрен (1860–1939) – французский психиатр, ученик В. Маньяна. Специализировался на лечении алкоголизма. – Прим. А. Х.

¹⁴ Так в XIX в. называли рахит. – Прим. А. Х.

¹⁵ Эклампсия – это заболевание, возникающее в период беременности и родов, при котором наблюдается судорожная активность, артериальное давление становится настолько высоким, что создается угроза для жизни матери и ребенка. – Прим. А. Х.

¹⁶ Речь идет о XIX веке. – Прим. А. Х.

¹⁷ Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1874) – бельгийский ученый, социолог-позитивист, один из создателей научной статистики. – Прим. А. Х.

¹⁸ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – российский ученый-правовед, криминолог, профессор. – Прим. А. Х.

¹⁹ Женщина-преступница / Исслед. И. Я. Фойницкого, ординарного проф. С.-Петербургского ун-та. Тип. А. Бенке, 1892. [36] с.: табл.

ний, совершенных женщинами, в значительной степени уравнивается проституцией – этой «младшей сестрой» преступлений – и отчасти тем, что в очень многих случаях, согласно справедливому замечанию И. Я. Фойницкого, женщина остается скрытой участницей преступления. Даже если она не принимает в нем непосредственного участия, нередко бывает его зачинщицей или подстрекательницей. Нет сомнений и в том, что множество преступлений совершается мужчинами по косвенному наущению или в угоду женщине. В таких случаях женщина пользуется плодами преступления. Всем, конечно, памятно не только случаи, когда мужчины совершали растрату вверенных им денежных средств в банкирских конторах, в кассах различных торговых учреждений, а также случаи поджогов, отравлений и убийств, в которых женщины были подстрекательницами.

Вполне допуская существование известного процента преступлений, в которых женщина оставалась скрытой участницей или их инициатором, мы должны признать неопровержимым пока фактом меньший уровень уголовной преступности среди женщин по сравнению с мужчинами. Несомненно, что одной из причин этого явления является меньшая физическая сила женщины. Заметим мимоходом, что, по статистическим данным мелкой преступности, число женщин, совершающих мелкие кражи, несколько не меньше числа мужчин. Другой причиной следует признать то, что деятельность большого числа женщин протекает в домашней обстановке, где всевозможных внешних столкновений и впечатлений несравненно меньше, чем в деятельности мужчин, работающих преимущественно вне дома и, следовательно, имеющих несравненно больше поводов к случайным столкновениям, ссорам и дракам. Наконец, в-третьих, алкоголизм значительно меньше распространен среди женщин, чем среди мужчин. Поэтому в женской преступности не фигурирует огромный процент случайных смертоубийств, совершаемых мужчинами под влиянием опьянения. Возможно, из-за особенностей своей физической организации, а также в силу векового своеобразного воспитания женщины эмоциональность и чувствительность гораздо более развиты у нее, чем рассудочность, преобладающая у мужчины. Мужчина отличается большей способностью рассчитывать, быстрее соображать и обобщать. Все знают, насколько легко женщины поддаются как великодушным, благородным порывам, так и вспышкам гнева. При более легкой возбудимости женщины отличаются меньшим развитием сдерживающих центров, по этой причине легче уступают импульсивным побуждениям и труднее переживают борьбу с собою во всех тех случаях, когда их собственное благополучие сталкивается с житейскими интересами других. Особенно это заметно в преступлениях против личности. В женской уголовной преступности число преступлений, совершаемых под влиянием различных эмоций, значительно больше числа преступлений, побудительной причиной которых стала корысть (например, кражи со взломом, грабежи, подделка денежных знаков и пр.). На женевском конгрессе (1896 г.) я коснулась этого вопроса в своем докладе и привела следующие данные: из 160 моих наблюдений над женщинами-убийцами в 70 случаях убийства происходили под влиянием различных эмотивных или страстных побуждений – ревности, мести, гнева, любви, супружеских разногласий, полового отвращения; и только в 32 случаях убийство было вызвано корыстными целями. Женщине не всегда принадлежала инициатива; ее роль часто ограничивалась пособничеством в убийстве, задуманном мужем или чаще любовником. Наоборот, в преступлениях против личности, совершаемых под влиянием эмотивных или страстных побуждений, женщина не только бывает инициатором убийства, но в большинстве случаев совершает его собственными руками и редко имеет пособников. Женщина весьма часто прибегает к лишению жизни путем отравления, как бы инстинктивно сознавая свою меньшую физическую силу, которой в таких случаях она противопоставляет хитрость и обман – это обычное оружие поработанных. Такой способ лишения жизни особенно часто встречается среди представительниц крестьянского населения, из числа которых я преимущественно брала объекты наблюдения.

Я приведу здесь в общих чертах главные положения моего доклада в Женеве, а затем укажу и на некоторые бытовые особенности крестьянских браков, влияющих, как мне кажется, на женскую преступность, о чем, впрочем, я не сочла уместным распространяться в Женеве:

1. Женская преступность отличается от мужской настолько, насколько вообще женский характер, женский *habitus*²⁰ отличается от мужского, но в общем побуждения одни и те же.

²⁰ *Habitus* (лат.) – совокупность наружных признаков, характеризующих строение тела и внешний облик человека (телосложение, осанка, походка и т. д.). – Прим. А. Х.

2. Существует, правда, по одному преступлению, характерному исключительно для каждого пола: у женщин – отравление плода; у мужчин – изнасилование.

3. Все прочие преступления одинаково совершаются как мужчинами, так и женщинами, но, как уже сказано, численность их различна у обоих полов.

Среди женской уголовной преступности первое место занимают семейные преступления, т. е. направленные против одного из членов семьи – из них чаще всего в крестьянской среде совершаются мужеубийства. Причина этого, вероятно, лежит в некоторых бытовых условиях крестьянской семьи. Нам хорошо известно, как заключаются браки в крестьянской среде: едва девушке исполнится 16 лет, родители подыскивают ей жениха и выдают ее замуж, нередко помимо ее воли и согласия. Входя в семью мужа, она поступает в зависимость свекрови, которая в большинстве случаев не скупится давать ей работу и всегда критически относится к новому члену семьи. Само собой разумеется, что молодая женщина находится в полном повиновении не только у мужа, но и у свекрови. Бывает и так, что 16-летняя девушка выходит замуж еще до наступления половой зрелости. Менструация, как известно, у сельских девушек устанавливается несколько позднее, чем у городских. У жительниц городов менструация появляется между 14–16 годами, у жительниц деревень – между 16–18 годами. Таким образом, значительный процент крестьянских девушек выходит замуж еще до наступления периода половой зрелости, который ей приходится переживать уже после того, как она начала исполнять супружеские обязанности, что совершенно противоречит законам природы. В таких случаях жена-подросток не испытывает при сожительстве с мужем ничего другого, кроме физического страдания. Чем больше принуждает ее муж, тем больше она тяготится его ласками, которых разделить не может. Начинаются ссоры, муж упрекает жену, что она его не любит; отвращение ее переходит в ненависть – она желает во что бы то ни стало выйти из этого тягостного для нее положения. Если конфликт как-нибудь не разрешается, жена начинает все больше и больше раздумывать, как бы избавиться от этих ласк, переходящих в насилие, в некоторых случаях доходит до мысли об отравлении мужа, что иногда и приводит в исполнение. С. С. Хрулёв²¹ в своем докладе в Юридическом обществе несколько лет тому назад прекрасно и подробно разобрал этот повод к отравлению мужей очень молодыми женами-подростками и подкрепил его многочисленными примерами из своей прежней судебной практики.

Из 160 моих наблюдений над женщинами-убийцами я зафиксировала 18 подобных случаев убийств и покушений на убийство мужей из-за физиологического отвращения, испытываемого женами-подростками. В одном из таких случаев попытки отравления не удалось; с наступлением менструации супруги помирились, жена забеременела и муж последовал за нею в ссылку.

Другим поводом к убийству мужа бывает плохое обращение, побои и пьянство мужа при полной невозможности для жены от него уйти. В случаях постоянных семейных ссор, сварливости жены или увлечения мужа другой женщиной мужчина всегда имеет возможность покинуть опостылевшую ему жену и сойтись с другой женщиной. Наконец он просто может уйти на заработок в губернский город или столицу. Ничего подобного жена сделать не может. В этом отчетливо проявляются преимущества, присвоенные себе мужчиной: уйти из дома мужа в случае его несогласия жена не может – муж имеет право ее вернуть, прибегнув к помощи полиции. С другой стороны, развод сопряжен со слишком большими трудностями и, можно сказать, совсем не практикуется у сельских жителей. Как бы тяжело ни сложилась семейная жизнь женщины, она поневоле должна терпеливо выносить ее. В безвыходных случаях она иногда прибегает к крайнему средству – самоубийству, но чаще – к мужеубийству и преимущественно путем отравления.

Есть еще одна существенная причина, побуждающая к этому преступлению многих жен. Это побуждение не относится к числу эмотивных движений души – оно не находится в зависимости ни от любви, ни от ревности, ни от мести, ни от вспышки гнева – всех этих состояний нашей психологической сферы, которые, хотя и не оправдывают преступления, но все-таки до некоторой степени делают его понятным. Здесь нет порыва, нет увлечения, нет страсти – напротив, все заранее обдуманно и точно рассчитано, предусмотрены все шансы, чтобы опровергнуть могущие возникнуть подозрения, установить свое алиби в момент смерти жертвы, всячески доказать свою непричастность к совершившемуся злодеянию. Здесь преобладающим и воодушев-

²¹ Хрулёв Сергей Степанович (1846–1906) – видный российский юрист, общественный деятель, член Петербургской судебной палаты. – Прим. А. Х.

ляющим чувством является себялюбие (эгоизм) в его наивысшем проявлении, заставляющее женщину для улучшения своих жизненных условий смело перешагнуть через всякие препятствия, стоящие на ее дороге, устранить их во что бы то ни стало путем насилия, даже путем принесения в жертву чужой жизни. К счастью для человечества, большинству людей совершенно непонятно, совершенно невозможно принять точку зрения человека, совершающего убийство для достижения личной выгоды, для улучшения условий собственной жизни. Для каждого из нас немыслимо путем убийства, отравления устранить человека, смерть которого принесет нам выгоду или улучшит наше общественное или имущественное состояние. Каждый из нас предпочтет продолжать терпеть неприятные, тягостные жизненные условия, закрывающие путь к материальному благополучию, но ни на минуту не задумается о возможности все это изменить путем убийства – поступка, органически противного сознанию каждого сколько-нибудь нормального, уравновешенного человека.

Женщины, убивающие своих мужей или родственников с целью улучшить свои жизненные условия, имущественные или общественные, отличаются одной особенностью: частичным притуплением нравственного чувства, отсутствием альтруистических побуждений и этических ограничений. Я сказала, «частичным» притуплением нравственного чувства, так как некоторые из этих женщин, убивая своих мужей с целью приобретения имущественных или общественных выгод, иногда ничтожных, проявляли одновременно с этим любовь к своим детям, ради которых готовы были на различные стеснения и жертвы. Следовательно, по отношению к детям они проявляли альтруистические побуждения.

Само собой разумеется, что термин «притупление нравственного чувства» весьма обширен, вмещает множество оттенков и степеней и, конечно, мог бы служить предметом отдельной работы. Я не буду более распространяться об этом, но позволю себе подкрепить сказанное выше примером – историей одного уголовного преступления, где женщина, до некоторой степени обеспеченная, совершенно свободная (муж предоставлял ей полную возможность жить, где ей было угодно, и вполне располагать собой), решила покончить с мужем путем отравления ради того, чтобы узаконить официальным браком свою связь с состоятельным человеком, который, со своей стороны, этого вовсе не требовал.

В июне 188* года в г. Х. прибыла Евгения Александровна Ш., владелица модного магазина в г. В., находящемся на одной из далеких окраин нашей страны. 15 лет прошло с тех пор, как Евгения уехала из г. Х., покинув своего мужа, мещанина Сергея Федоровича Ш., из-за семейных разногласий, прожив в замужестве с ним всего 2 года. Возвратившись после столь долгого отсутствия на родину, Евгения остановилась в доме своего отца и сразу начала разыскивать своего мужа, которому предложила дать ей формальный развод, обещая ему за это 50 руб. Супруг Евгении на это согласился. По прошествии нескольких дней Евгения вновь пригласила к себе мужа, сказав через посланного, чтобы он непременно пришел к ней вечером по делу. Когда муж явился, она, сказавшись нездоровой, попросила его сходить в аптеку, чтобы купить английской соли²², что он и исполнил. Получив лекарство, Евгения принесла водку, чайную чашку и маленькие стаканчики; в чашке и стаканчике она размешала соль для себя и своей мачехи, а также предложила мужу выпить этого «лекарства». Муж «по глупости» согласился. Тогда Евгения откуда-то взяла рюмку, всыпала в нее английской соли, заставила Сергея налить водки и выпить. Как только он проглотил рюмку этой смеси, ему обожгло рот, сжало горло и затошнило. Было ли что-то еще на дне рюмки, Сергей в сумерках не разглядел. Евгения сначала положила его на свою постель, а затем, наняв ему извозчика, отправила его домой, куда он возвратился с ясными признаками острого отравления. Из дома Сергей Ш. ушел совершенно здоровым, сказав, что идет в гости к жене подписывать бумаги по делу о разводе. Несколько часов спустя он возвратился совершенно больным, упал во дворе и стал звать на помощь; у него была сильная рвота, «жгло внутренности». Он объяснил родным, что, по всей вероятности, жена его отравила. Родные Сергея стали отпаивать его молоком, но так как положение его все ухудшалось, отвезли его в больницу, где было подтверждено отравление. Промучившись несколько дней, Сергей умер. При вскрытии было установлено отравление ртутным ядом. На другое утро после отравления Евгения была арестована. У нее нашли денежные расписки и переписку с ее сожителем в г. В., которому она себя выдавала за вдову, в свой родной город поехала под предлогом необходимости взять документы для совершения брака.

²² Английская соль (сульфат магния, магnezия) – издавна используемое лекарственное средство широкого спектра действия. – Прим. А. Х.

Личность Евгении Ш. была довольно подробно изучена мной с самого момента ее замужества в очень молодом возрасте. Ее муж, слабохарактерный и безнравственный человек, женившись на Евгении, продолжал свою прежнюю связь с женой своего старшего брата. Делал это почти на глазах молодой жены. Естественным желанием Евгении было уехать от мужа, продолжавшего после того, как она его дважды простила и с ним примирилась, свои отношения с невесткой. Оба брата с женами жили в одном доме. Старшая невестка, высокомерная и властная женщина, жестоко относилась к юной Евгении и щедро наделяла ее насмешками, подавляя ее своим превосходством в жизненном опыте. Кончилось тем, что Евгения отпросилась у мужа погостить к родным, а вместо этого тайно уехала с семьей инженера во Владивосток, нанявшись к ним горничной-портнихой. Дальнейшая судьба Евгении сложилась благополучно: муж ее не беспокоил, предоставив ей жить там, где угодно. Красивая, бойкая, энергичная женщина вскоре сделалась лучшей модисткой²⁵, имела много заказов, жила весело и безбедно. У нее появились поклонники, из которых со временем она выбрала себе сожителя и решила женить его на себе. Тщательно обдумав план действий, Евгения едет в родной город, симулирует примирение с мужем, убеждает его согласиться на развод, а затем через несколько дней лишает его жизни, рассчитывая объяснить его смерть последствиями пьянства, которому он нередко предавался. Смерть мужа не была для Евгении тем единственным выходом, на который иногда решаются жены в ранее упомянутых мною случаях побоев, грубого обращения и пьянства мужей. Сергей Ш. не мешал ей жить, много лет предоставляя ей полную свободу. Евгения отравляет мужа с целью улучшить собственную жизнь как в материальном отношении, так и в смысле тщеславия.

Расследуя жизнь этой женщины, можно сказать с полной уверенностью, что она совершила преступление, действительно руководствуясь исключительно эгоистическим побуждением. Она очень дешево оценила жизнь человека, стоявшего на пути к достижению ею больших житейских выгод. В уголовной практике так называемые семейственные преступления совершаются из такого рода побуждений, вызываемых частичным притуплением нравственного чувства, или, вернее, своеобразной оценкой преступлений, несовместимой с обычными проявлениями совести.

На женевском конгрессе я высказала соображения о необходимости глубже вникать в побуждения, вызывающие каждое данное преступление. Это может быть достигнуто только при более подробном, всестороннем изучении личности осужденных.

Как известно, в уголовном праве преступления делятся, между прочим, на три главные группы:

- 1) преступления против личности;
- 2) преступления семейственные;
- 3) преступления против собственности (имущественные).

Каждая из этих главных групп подразделяется на многочисленные подгруппы.

В первых двух главных группах рассматриваются все виды посягательств на личность, на жизнь, умышленные и непредумышленные убийства, убийства по неосторожности, детоубийства, телесные повреждения и пр.

В третьей группе рассматриваются все виды краж: кража легкая, кража со взломом, грабежи и пр.

В соответствии с этими квалификациями преступлений назначается и степень наказания, которое для лиц, совершивших, например, кражу со взломом, будет тяжелее, чем для совершивших простую кражу. Потому человек, побуждаемый голодом и разбивающий окно в булочной, чтобы украсть булку, совершает кражу со взломом и по букве закона должен быть наказан строже, чем профессиональный карманный вор, изо дня в день совершающий кражи часов и бумажников в толпе.

Преступления против личности, имеющие последствием лишение жизни или покушение на таковую, наказываются по нашим законам ссылкой на каторжные работы. Существует несколько степеней наказания, большее или меньшее число лет пребывания на каторге, пожизненная ссылка и подобное. Побудительные причины для совершения убийства могут быть различными: убийство из корыстной цели и детоубийство, совершаемое матерью под влиянием стыда и отчаяния, весьма различны по побуждениям. Постепенное отравление человека, застраховавшего свою жизнь, с целью получить эту страховую премию, конечно, имеет мало общего с убийством, совершаемым под влиянием внезапной вспышки гнева, ревности или мести. Как

²⁵ Модистка (от франц. *modiste*) – устаревшее название швеи, портнихи. – *Прим. А. Х.*

ни различны мотивы, вызвавшие эти преступления, они имеют результатом смерть человека, а по нашим законам все одинаково наказываются ссылкой на каторжные работы сроком на большее или меньшее число лет.

Несомненно, что психологические моменты, под влиянием которых человек может сделаться убийцей, весьма многочисленны и различны. Итальянской школой криминальной антропологии была сделана попытка классификации преступлений на основании побуждений, вызвавших их. Попытка эта не встретила у юристов интереса, ей противопоставили трудность определения действительной побудительной причины во многих преступлениях. Но ведь всякая классификация – вещь условная, лишь до некоторой степени облегчающая обзор явлений, отвечающая нуждам данного состояния известной науки. Никакая классификация не может сразу иметь законченную форму, и только жизнь выявит те поправки и изменения, которые могут ее сократить или, наоборот, дополнить, улучшить, сделать более точной.

Мне кажется, что попытка классификации преступлений на основании побуждений, лежащих в их основе, была осуждена слишком скоро и заслуживала несколько большего внимания: в большинстве случаев при тщательном расследовании преступления на первых же порах выясняются и его мотивы. К несчастью, в настоящее время на них не обращается достаточного внимания, важнее всего считается установить обрядность совершенного преступления или способ, каким оно было совершено: как убил, каким орудием, сколько нанесено ударов, какой величины и формы раны, в каком положении было найдено тело, во что одета жертва. Если речь идет об отравлении, то прежде всего устанавливается, каким ядом, с какой пищей или питьем. Разумеется, что подобное расследование внешней стороны преступления также необходимо и способствует его объяснению, но случается и так, что в погоне за этими малейшими подробностями ускользает нить, по которой можно было бы дойти до настоящей, действительной побудительной причины преступления. Его смысл остается неразгаданной загадкой, хотя внешняя сторона преступления точно определена до мельчайших подробностей.

Более близкое ознакомление с личностью подозреваемого и всестороннее ее изучение не только с внешней стороны, но и изучение его внутренней жизни, его прошлого во многих затруднительных случаях облегчало бы выяснение мотивов совершения данного преступления. Только такое тщательное ознакомление с побудительными причинами, лежащими в основе преступлений, способствовало бы, как мне кажется, уменьшению несоответствия наказания за преступления, вызванные различными побуждениями.

Посещая тюрьмы, остроги, центральную московскую пересыльную тюрьму, где перед отправкой на Сахалин и в Сибирь находятся сотни женщин, осужденных за убийства, мне приходилось подолгу беседовать с ними во время антропометрических и функциональных исследований. Я обратила внимание на факт одинакового наказания за убийства, мотивированные совершенно различными побуждениями.

Тот накопленный материал, который я имела в своем распоряжении, я разделила, соответственно мотивам, на следующие группы:

- а) убийцы из корысти;
- б) убийцы по страстному побуждению;
- в) убийцы, побуждаемые супружескими разногласиями и половым отвращением;
- г) убийцы, побуждаемые частичным притуплением нравственного чувства;
- д) убийцы случайные;
- е) убийцы-душевнобольные.

Убийства, однородные с внешней стороны, приходится относить к различным группам. Например, детоубийства разделены мной на две группы:

1) детоубийства, вызванные эмотивными движениями: стыдом, страхом, отчаянием, т. е. подведенные под группу «б» как убийства по страстному побуждению;

2) детоубийства из-за личных выгод: невозможность найти место с грудным ребенком, нежелание ухаживать за ним и опасение лишних хлопот и расходов – как и случаи повторного детоубийства – отнесены в группу «г», т. е. убийств, побуждаемых частичным притуплением нравственного чувства.

Среди осужденных на каторгу женщин реже всего мне приходилось встречать случайных убийц – их было всего 5 человек. Женщин, совершивших убийство или покушения на него под влиянием психических расстройств, было 8.

Свое выступление на женеvском съезде я закончила замечанием о том, что напрасно противники криминальной антропологии предъявляют ей такие категорические требования, на которые она в настоящее время

еще ответить не может. Конкретного типа преступника нет, так как преступление есть явление сложное, слагающееся из множества отрицательных факторов в жизни человека, в числе которых находятся неблагоприятная наследственность, бедность, дурной пример, пьянство родителей, безнадзорное детство и отсутствие всякого воспитания, приучающего человека с ранних лет сдерживать себялюбивые инстинкты и страстные побуждения.

Не заслужила криминальная антропология и упрек в том, что, чрезмерно заботясь об исправлении преступников, она забывает о нуждах честного и трудящегося населения, имеющего более прав на заботу общества. Разрабатывая методы всестороннего изучения преступника не только с анатомической точки зрения, но и с психической, а также нравственной сторон, антропология все ближе и ближе подходит к причинам, лежащим в основе большинства преступлений. Она уподобляется, так сказать, врачу, которому необходимо выяснить причину болезни прежде, чем лечить ее на основании одних только ее симптомов.

Популяризуя свои теории и распространяя их в обществе, антропология учит, как бороться с неблагоприятной наследственностью и путем правильного воспитания ослаблять ее вред. Она разъясняет опасность браков между близкими родственниками, между лицами, страдающими нервными болезнями, сифилисом, бугорчаткой²⁴, она предостерегает от алкоголизма и других излишеств, ведущих к ослаблению и вырождению нисходящего поколения, которое при таких неблагоприятных условиях рождается с недостаточной силой сопротивления для жизненной борьбы. Изучая преступника во всех его подробностях и углубляясь в причины, вызывающие преступление, антропология работает на пользу не только преступников, но и всего человечества, так как указывает на профилактические меры, способствующие оздоровлению, просвещению и повышению нравственного уровня масс. Этим самым антропология стремится к предупреждению и уменьшению числа преступлений. Не надо забывать, что криминальная антропология вовсе не утверждает, что все преступники больные и сумасшедшие, но она призывает и учит отделять больных от здоровых, отличать промежуточные формы, которые находятся на границе между болезнью и здоровьем и порождают людей ненормальных, плохо уравновешенных, чаще других нарушающих законы.

Напрасно также упрекают криминальную антропологию в жестоком отношении к преступнику. Напротив, она восстает против учения о возмездии, противоречащем истинному духу христианства, и учит гуманному отношению к преступнику – братской помощи падшему, поддержке неуравновешенного и врачевании больного.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.09.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 02.11.2025

Дата принятия в печать / Accepted 02.11.2025

²⁴ Бугорчатка – устаревшее название туберкулеза (от лат. *tuberculum* – «бугорок»). – Прим. А. Х.